

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022748-8

**Петер Симон Паллас
и становление академической полевой лексикографии в России**

© 2022 г. **В. И. Карпов**

Кандидат филологических наук,
ученый секретарь Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
wi.karpow@gmail.com

© 2022 г. **С. А. Сенатор**

Кандидат биологических наук,
заместитель директора, ведущий научный сотрудник
Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН,
Россия, 127276, Москва, ул. Ботаническая, д. 4
stsenator@yandex.ru

© 2022 г. **Д. О. Воронцов**

Кандидат экономических наук,
доцент Российского государственного университета правосудия,
Россия, 117418, Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69
vorontsovdo@mail.ru

© 2022 г. **Н. В. Беленов**

Кандидат педагогических наук,
доцент Самарского государственного социально-педагогического университета,
Россия, 443099, Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67
belenov82@gmail.com

Резюме. В представленной статье мы обратились к экспедиционным записям П.С. Палласа (1741–1811), чтобы оценить их значение для становления академической полевой лексикографии в России. Путевые заметки Палласа можно считать важной работой в области отечественной полевой науки, проводившейся по поручению Императорской Академии наук. Паллас фиксирует сведения по этнографии и истории местных народностей, записывает лексику, свойственную их языкам, дает детальное описание географии, геологии, ботаники и зоологии. Он формирует профессиональную платформу для обсуждения и интерпретации малоизвестных или совершенно новых явлений, предметов, артефактов и т.д. Исследовательские принципы сформулированы Палласом в духе современных представлений о полевой работе: организация экспедиций, непосредственный контакт с носителями языка, целенаправленное интервьюирование для извлечения необходимой информации, учет “человеческого” фактора и т.п. Наш интерес привлекла лексика трех крупных тематических блоков: топонимов, фитонимов и этнографических лексем, зафиксированных Палласом во время посещения Среднего Поволжья. Данный регион рассматривается нами в пределах современных Самарской и Ульяновской областей, этнографический материал ограничен чувашским этносом, из перечисленных Палласом фитонимов отобраны наиболее примечательные примеры. Этимологический анализ, как и факты, собранные Палласом в процессе полевой работы, позволяют критически взглянуть на некоторые современные трактовки ономастической, ботанической и этнографической лексики и способствуют более глубокому изучению истории российской науки.

Ключевые слова: лексикография, полевые исследования, этнография, топонимы, фитонимы, этнонимы.

Для цитирования: Карпов В.И., Сенатор С.А., Воронцов Д.О., Беленов Н.В. Петер Симон Паллас и становление академической полевой лексикографии в России // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 82–99. DOI: 10.31857/S160578800022748-8

Peter Simon Pallas and the Making of Academic Field Lexicography in Russia

© 2022 Vladimir I. Karpov

Cand. Sci. (Philol.),
Scientific Secretary of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 Bolshoy Kislovskiy Lane, Moscow, 125009, Russia
wi.karpov@gmail.com

© 2022 Stepan A. Senator

Cand. Sci. (Biol.),
Deputy Director, Leading Researcher of N.V. Tsitsin Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences,
4 Botanicheskaya Str., Moscow, 127276, Russia
stsenator@yandex.ru

© 2022 Dmitry O. Vorontsov

Cand. Sci. (Econom.),
Associate Professor of the Russian State University of Justice,
69 Novocheremushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russia
vorontsovdo@mail.ru

© 2022 Nikolai V. Belenov

Cand. Sci. (Pedagog.),
Associate Professor of the Samara State University of Social Sciences and Education,
65/67 Maksima Gorkogo Str., Samara, 443099, Russia
belenov82@gmail.com

Abstract. The article addresses the expedition notes of Peter Simon Pallas (1741–1811) in order to evaluate their role in the making of academic field lexicography in Russia. Pallas' travel notes can be regarded an important work that advanced the Russian field research, conducted on behalf of the Imperial Academy of Sciences. Pallas records information on the ethnography and history of local peoples, writes down the vocabulary of their languages, and provides a detailed description of geography, geology, botany and zoology. He develops a professional platform for scientists to discuss and interpret little-known or completely new phenomena, objects, artifacts, etc. Pallas' research principles resemble today's ideas about field work: organization of expeditions, direct contact with native speakers, targeted interviewing to get the necessary information, taking into account the 'human' factor, etc. The paper focuses on the vocabulary of three large thematic blocks: toponyms, phytonyms and ethnographic lexemes, recorded by Pallas during his visit to the Middle Volga region. This region is considered a territory that is within today's borders of the Samara and Ulyanovsk regions. The ethnographic material is limited to the Chuvash ethnic group. Only the most remarkable examples are selected from the phytonyms listed by Pallas. The etymological analysis, as well as the facts collected by Pallas in the process of field work, allow a critical look at some modern interpretations of onomastic, botanical and ethnographic vocabulary and contribute to a deeper study of the history of Russian science.

Key words: lexicography, field research, ethnography, toponyms, phytonyms, ethnonyms.

For citation: Karpov, V.I., Senator, S.A., Vorontsov, D.O., Belenov, N.V. *Peter Simon Pallas i stanovlenie akademicheskoj polevoj leksikografii v Rossii* [Peter Simon Pallas and the Making of Academic Field Lexicography in Russia]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 82–99. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022748-8

0. Вводные замечания

Становление современной отечественной полевой лексикографии прочно связано с экспедициями А.Е. Кибрика и учеников его школы на Кавказ. Предложенные им принципы интервьюирования информантов и обработки информации легли в основу методологии полевой лингвистики, активно применяемой сотрудниками академических институтов и университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска и других городов России. Результаты более чем полувековых полевых исследований отечественных лингвистов представлены в англоязычной коллективной монографии [1]. Данные, полученные в ходе работы по документации и описанию языков, послужили мощным стимулом для развития лингвистической типологии и теории языка в целом (см. детальный обзор в [2]).

Однако справедливости ради необходимо отметить, что полевая лексикография как отрасль отечественного академического языкознания зародилась задолго до 60-х годов XX века. Так, еще в 1920-е годы в образованном в Петрограде Яфетическом институте РАН (позже – Институте языка и мышления АН СССР) одним из направлений деятельности была организация экспедиций на Северный Кавказ, Дон и в Волжско-Камский регион для “собираания на местах лингвистического материала по языкам различных народностей” с целью “выяснения ставшего на первую очередь вопроса о яфетическом строе” языков указанных местностей “с углублением уже начатых в этом направлении работ, а также изучения структуры языков других соседящих народов по выявляемым и в них яфетическим элементам”, к этому добавлялся сбор “дополняющих лингвистические изыскания этнографических материалов” [3, с. 121]. Во время Карачаево-Балкарской экспедиции в 1930 г., помимо исследования “актуального состояния и действующих норм балкаро-карачаевской речи в целях подготовки к изданию словарей, учебных пособий и текстов”, ленинградскими языковедами была проведена “специальная работа по изучению топонимики Балкарии и Карачая, а также <...> по социально-правовым терминам”, отдельное внимание уделялось сбору материала, освещавшего “как языковые отношения внутри Карачая, так и связи

последнего с соседним балкарским и ногайским населением” [там же, с. 260–261].

Таким образом, уже в 20–30-е годы прошлого века полевая работа включала сбор сведений по целому ряду дисциплин: диалектологии и ареальной лингвистике, социолингвистике, этнографии, ономастике, этимологии. Лингвисты не только инициировали собственные фольклорно-этнографические и диалектографические поездки, но и принимали участие в составе некоторых комплексных академических экспедиций (в те годы одной из основных форм организации научной деятельности). В докладе академика А.С. Орлова, посвященном 15-летию учреждения Академии наук в СССР, сообщалось, что в 1925 г. Академией организовано 50 комплексных экспедиций, в 1927 г. академических экспедиций было 65, а в 1928 г. – 91. В 1928 г. создана Комиссия экспедиционных исследований для объединения и руководства всем экспедиционным делом Академии [4, с. 9–10]. Комплексный подход перекликается с принципами организации “физических экспедиций”, проводившихся во второй половине XVIII века под эгидой Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге [5]. Целью каждой такой экспедиции (“странствующей Академии”) было описание свойств воды, почвы, растений, животных, формы и внутреннего содержания горных массивов, способов обработки земли в разных местностях и состояния земледелия и животноводства в Российской империи. В задачи входило также фиксирование наиболее распространенных болезней людей и животных; специальное внимание следовало уделять богатствам земных недр, а также местным промыслам, произвести географические и метеорологические наблюдения и собрать сведения о нравах, обычаях, вероисповедании, языке и пр. местного населения (ср. [6, с. 63]; [7, с. 4–5]).

Ярким представителем российской академической науки той эпохи является немецкий естествоиспытатель, с 1767 года – действительный член и профессор Санкт-Петербургской Академии наук Петер Симон Паллас (1741–1811). По поручению императрицы Екатерины II он отправляется в 1768 году в составе одной из пяти комплексных экспедиций сначала в Поволжье, а затем через Оренбургскую губернию в Сибирь

и Забайкалье. Одновременно Паллас фиксирует свои наблюдения в записях, которые публикуются еще до окончания основной экспедиции в Санкт-Петербурге на немецком языке под названием “Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs” и вскоре появляются в переводе на русском языке как “Путешествие по разным провинциям Российского государства” (далее – “Путешествие...”). С 1771 по 1776 г. (в русскоязычной версии – с 1773 по 1788 г.) были изданы три объемные части путевых заметок, напечатанные пятью выпусками и фактически отразившие портрет Российской империи 70-х годов XVIII века в мельчайших подробностях. Начиная с перечисления топонимов, Паллас фиксирует сведения по этнографии и истории местных народностей, записывает лексику, свойственную их говорам, затем переходит к описанию географии, геологии, ботаники и зоологии. Его труд – не простая инвентаризация данных, Паллас сопровождает многие факты собственными толкованиями, приводит известные ему по опыту или по другим местностям схожие примеры, формируя подобным способом профессиональную платформу для обсуждения и интерпретации малоизвестных или совершенно новых явлений, предметов, артефактов и т.д. Вследствие этого трехчастное “Путешествие...” можно назвать основополагающей работой в области отечественной полевой науки, проводившейся по поручению и в сопровождении Академии наук.

В преддверии 300-летнего юбилея Российской академии наук и в связи с 250-летием с момента первой публикации путевых заметок Палласа мы обратились к его экспедиционным записям, чтобы оценить их значение для становления академической полевой лингвистики в России. Наш интерес привлекла лексика трех крупных тематических блоков: топонимов, фитонимов и этнографических лексем, зафиксированных Палласом во время посещения Среднего Поволжья. Данный регион рассматривается нами топографически в пределах современных Самарской и Ульяновской областей, этнографический материал ограничен чувашским этносом, из перечисленных в первой части “Путешествия...” фитонимов отобраны наиболее примечательные примеры.

1. “Поступать в своей должности ревностно и верно”: о наблюдениях Палласа и принципах их изложения

В отличие от кабинетных ученых Паллас не стремится придать утонченности и изысканности своей речи, его установка – максимальная

достоверность излагаемой информации. Он кратко, все сведения перепроверяет и, предоставляя их на суд читающей публики, неоднократно повторяет, что настойчивость, с какой академическое начальство требует от него оперативного отчета по экспедиции, не позволяет ему в должной степени отредактировать записи, поэтому он направляет их в типографию с минимальной правкой, что ни в коем случае не влияет на правдивость изложенных в них фактов. В обширном введении к одному из томов Паллас сетует на обилие типографских ошибок и неточностей как при издании предыдущих выпусков, так и при некорректном перепечатывании их фрагментов другими издателями. Он подчеркивает, что в своей научной работе стремится служить только истине с великим тщанием, ибо не мыслит поступать иначе, кроме как представлять увиденное или услышанное, как они были им засвидетельствованы непосредственно в момент наблюдения, не прибавляя ничего от себя, но и не утаивая деталей. При этом, как считает Паллас, оценивать общественную значимость и пользу открытий никто из естествоиспытателей не в силах, задача каждого из них – фиксировать все с неусыпным вниманием, прилежно используя накопленные знания и осторожно полагаясь на собственные чувства [8]; [9].

Прибывший из Берлина 26-летний Паллас записывал и издавал свои заметки изначально по-немецки. Наибольшую сложность представляли для него русские названия населенных пунктов, географических объектов, растений и животных, этнонимы и этнографическая лексика в целом. Во введении к первой части он подробно комментирует правила транслитерации русских слов (данный фрагмент переводчик с немецкого опустил, видимо, за ненадобностью), различая фонетические особенности в произношении русских звуков в зависимости от положения, например, оглушение звонких в ауслауте, позиционную спирантизацию [к]/[г] > [х]: *Boholjubof* (рус. Боголюбов), *Buhulma* (рус. Бугульма). Однако самому Палласу поначалу не удается строго придерживаться им же прописанных принципов. Так, определенная нерегулярность наблюдается при передаче звука [к] в топонимах, ср.: *Casan/Kasan* или *Moscau/Moskau*; также сложности представляют звуки [ж], [ш] и [ч], которые по-немецки нередко передаются одним и тем же графическим сочетанием *sch*: *Sawodschik* (рус. заводчик) или *Nischnei-Nowograd* (рус. Нижний Новгород). Впрочем, подобные замены не всегда свидетельствуют об ошибках транслитерации. Паллас в ряде случаев следует т.н. фонетическому письму, он

передает звуки в соответствии с произносительным узусом того времени и определенной местности, например, *Wolodimer* (рус. Владимир). В этом отношении его труд отражает языковые особенности середины XVIII века и может служить источником историко-лексикографического материала для диалектологов (ср. на примере чувашского языка [10]).

В контексте двуязычной лексикографии немецкий оригинал путевых заметок (в отличие от русской переводной версии) представляет собой русско-немецкий словник с набором лингвостецифических лексем, перевод которых способствовал бы лучшему пониманию реалий: нем. *Bethaus/Tschassownja* (рус. часовня), нем. *Eisfelsen/Lednik* (рус. ледник), нем. *Malz/Gustscha* (рус. гуща), нем. *Regenrinnen/Awragi* (рус. овраги), нем. *Bastschuhe/Lapti* (рус. лапти), нем. *Hopfenbier/Braga* (рус. брага), нем. *Harfe/Gusli* (рус. гусли), нем. *Poststation/Jam* (рус. ям). Также переводятся слова нерусского происхождения, например, татар. *Airan/Uiran* (нем. *saure Milch* – рус. простокваша), чув. *Kalün* (нем. *Brautgabe* – рус. калым, приданое), татар. *Bachtschu* (нем. *Arbusengarten* – рус. бахча). Паллас очень внимательно относится к лексической составляющей своих записей. Позже накопленный материал позволит ему осуществить амбициозную задачу – издать “Сравнительный словарь всех языков”, который до сих пор привлекает внимание исследователей по истории русских говоров и языков народов России и других государств [10]; [11]; [12]; [13].

Полевая наука предполагает выезд в поле и опрос информантов в привычной для них обстановке. Исследуемый объект (этническая группа, местный диалект, этнографическое явление и пр.) изначально должен быть малоизученным или вовсе неизвестным и ранее никем не зафиксированным, а значит, особо ценным для той или иной научной дисциплины [2, с. 11–12]. Принципы полевой работы Палласа отвечают современным методологическим требованиям: неслучайно по тексту часто встречаются формулы “рассказывали мне достоверные примеры”, “сколько я мог изведать”, “здесь сообщу я то, что мог я сведать” и т.п. Его познавательные установки как путешественника и естествоиспытателя определили тематические группы лексики, которые описаны им с особой тщательностью. Так, внимательное отношение к географическим объектам сопровождается историко-культурологической и этнографической детализацией при передаче топонимов, при этом нередко местные названия населенных пунктов трактуются с точки зрения

их этимологии (ср. объяснение топонима “городище” [8, с. 79, 141] или названия села Переволока [8, с. 162]). Как увлеченный ботаник он с рвением фиксирует фитонимы, причем некоторые растения упоминаются им впервые в русскоязычной печатной литературе (например, “Адамова голова” [8, с. 49]; об этом обозначении по ранним лечебникам подробнее см. [14]). И, наконец, Палласа-путешественника не оставили равнодушным сведения, связанные с жизнью других народов, их нравами, верованиями, образом жизни и, конечно, местными языками (об этнографическом описании мордвы у Палласа см. [15]). Он выступает не обычным наблюдателем и фиксатором происходящего, а собирает экспонаты для отправки в Санкт-Петербург. В своем дневнике Паллас пишет: “В Якушкиной, также чувашской деревне, я впервые видел употребляемый чувашами и татарами главным образом для распашки неводеланной степи сабан (*Saban* (сабан)) или татарский плуг, модель коего я велел изготовить для Академии” [16, с. 596].

Остановимся более подробно на перечисленных группах лексики. Сведения по каждой из групп приведены ниже в следующем порядке: начальная лексема дана по-немецки в соответствии с оригинальным изданием [8], вторая представляет собой вариант, зафиксированный в опубликованном переводе на русский язык [9]; затем следует современное написание лексемы. При отсутствии объекта в современных географических, биологических и этнографических реалиях либо совпадении его названия с имеющимися обозначениями третья позиция остается незаполненной. Трактовка каждого слова складывается, во-первых, из комментария самого Палласа, извлеченного нами из русскоязычной версии, и, во-вторых, данных из современных справочников и словарей по рассматриваемой тематике. Орфография, пунктуация и стиль текста русского перевода сохранены, дореформенные графемы заменены на современные. Постраничные ссылки на переводное издание размещены избирательно с целью более точной локализации лексемы в тексте, если в этом имеется необходимость.

2. Распределение лексики по тематическим группам

2.1. Топонимы

Всего у Палласа для Среднего Поволжья отмечено 224 топонима, зафиксированных в период с 22 сентября 1768 г. по 22 июня 1769 г. В соответствии с типами номинируемых объектов

в системе названий топонимов преобладающей группой географических объектов являются ойконимы – 134 единицы. Второй по количеству топонимических единиц является группа гидронимов, объединившая 61 наименование. Практически все гидронимы, упомянутые Палласом, сохранили своё наименование до настоящего времени, лишь слегка изменив лингвистическую форму. Паллас зафиксировал 24 оронима, среди которых узнаваемые в настоящее время Жигулёвские горы, Соколы горы, Шелехметские горы, Молодецкий курган, Царёв курган, Бурацкая гора и др. Примечательно, что к некоторым названиям Паллас записал топонимическую легенду. Зафиксированные им в комментариях трактовки топонимов, в том числе попытки их этимологической идентификации, и результаты их анализа приведены ниже.

Baituganowa (Jermak-aul)/Байтуганова (Ермак-аул)/село Татарский Байтуган (Камышлинский район Самарской области) – “Татарская деревня называется Ермак-аул, которая также по большей в Сок впадающей речке именуется Байтуганова” [9, с. 152]. Комментарий Палласа чрезвычайно ценен для исследователей топонимии Среднего Поволжья, поскольку в тех случаях, когда река и расположенный на ней населённый пункт имеют одинаковые названия, правильное направление для поиска этимологического решения во многом зависит от того, что является первичным – гидроним или ойконим. Ответ на данный вопрос не всегда очевиден. Так, ошибочная информация на этот счёт содержится в издании “Самарская топонимика”: “Основу топонима составило личное татарское имя Байтуган. Им было поименовано татарское селение, по нему речка...” [17]. Запись Палласа исправляет данную неточность, в пользу чего также сообщает ряд архивных документов и картографических источников. Так, на карте Самарской губернии П.А. Рихтера и И.Ф. Станевича (1867 г.) одно из сёл с названием Байтуган указано как Верхнее Ермаково. Кроме этого, в “Сказках о тептярях и бобылях, служилых мещеряках и татарах, ясачных татарах Казанской, Московской и Ново-Московской дорог Уфимского уезда” (1762 г.) находим: “В деревне Ермаково, что на Соку реке и речке Байтуган проживало две семьи: Алтанбека Ермакова и Косима Исюнгиева”. По имени Алтанбека Ермакова было дано прежнее название селу.

Walofka/Валовка/село Валы (Ставропольский район, Самарская область) – “проименована по находящемуся за две версты на дороге к Жигулихе позади яблоняго буерака обширному и, как

то сказывают, Татарскому шанцу, состоящему из трех валов со рвами” [9, с. 243]. Такое объяснение ойконима подтверждается как в специальной топонимической литературе [17], так и местными фольклорными преданиями жителей села Валы. “Татарским шанцем” Паллас и другие участники академических экспедиций называли археологический памятник, известный в настоящее время как “Муромский городок” (впервые это название употребила археолог В.В. Гольмстен): болгарский город, разрушенный монголами в 1236 г. и более не восстанавливавшийся. Кроме того, информация, приведённая Палласом, имеет ценность и для археологии: ко времени начала планомерных археологических работ на Муромском городке оставалось лишь два вала, вместо описанных академиком трёх.

Shigulefskische Berge, Shigulefskye Gory/Жигулёвские горы – “по ту сторону Волги видны на правом берегу высокие известковые горы, проименованные Жигулевскими по находящейся между ими деревне Жигулихе” [9, с. 177]. Топоним, впервые упомянутый Палласом, ныне общеупотребительный в отношении горного хребта на Самарской Луке. Жигулёвские горы долгое время именовались по-разному: русские рыбаки XVI в. называли их Змиевым Камнем, на карте Адама Олеария (1636 г.) Жигулёвские горы разделяются на два горных массива с названиями “Девьи горы” и “Печёрские горы”, также в источниках известны различные названия для некоторых районов Жигулей: Соляные или Усолевские горы, Шелехмецкие горы, Яблоневы горы и т.д. В начале XVIII в. официальным наименованием горного массива, как можно заключить из статей первых русских газет, было “Девьи горы”. Таким образом, наименование данного горного массива от одной из его известных вершин либо от расположенного у гор села было обычной номинационной практикой. Объяснение Палласа о перенесении на горы названия деревни Жигулихи следует признать обоснованным.

Kabazkaja Awraga/Кабакский овраг – “Помянутая долина по стоявшему там прежде сего кабаку называется Кабакским аврагом, а гора Кабаккою горою” [9, с. 272]. Такое объяснение ойконима подтверждают В.Ф. Барашков с соавторами [17]. Топоним употребляется и в настоящее время: так называется овраг между сёлами Усолье и Берёзовка. Более известна расположенная там же, в пределах Большой Самарской Луки, при впадении Усы в Волгу, Кабацкая гора, название которой, согласно Палласу, имеет ту же этимологию.

Karaulnoi Bugor (Wachthügel)/Караульный бугор – “каменным бугром <...> который для бывшего на нем в прежние военные времена караула проименован Караульный бугор” [9, с. 267]. Подобные оронимы в Поволжье имеют достаточно широкое распространение: горы Наблюдатель и Стрельная в Жигулях, гора Форфос (от “форпост”) в окрестностях Хвалынского и т.д. Где их происхождение можно достоверно установить, там они действительно относятся к высотам, с которых караульные вели наблюдение. В ряде случаев наблюдение велось за Волгой – названия таких географических пунктов относятся, вероятно, ко временам существования на Волге “казачьей вольницы”, или, чаще, – за степью из-за опасений набегов кочевников.

Kaschpur/Кашпур – “Пригород Кашпур, или как то жители выговаривают Кашкер, стоит на горе Кучугуре подле рукава Волги, при самом устье речки Кашпурки, по которой и пригород проименован” [9, с. 259]. Исключительную важность имеет зафиксированный Палласом порядок передачи названия: от реки селению, а не наоборот. Этимология топонима Кашпур приводится в ряде работ [18, с. 19–28].

Ladansko Osero (Weyhrauch-See)/Ладанское озеро – “нарочито глубокая котлу подобная яма, которая никогда не высыхает, и называется Ладанское озеро, по тому, что на берегах ее слышан сильной нефтяной запах” [9, с. 296]. В данном случае Палласом четко отмечена связь между мотивом номинации и характеристиками номинируемого объекта. К тому же обращает на себя внимание, что немецкий перевод топонима связывает название озера не с нефтью (нем. *Erdöl*), а дословно – с ладаном (совр. нем. *Weihrauch*). Нами установлено, что к настоящему времени объект исчез.

Mielowoi Scholom/Меловаго шолома курган/Меловой шолом – “он известен под именем меловаго шолома, а тамошние жители называют хомутская прасна, по славном у них мужике, имевшем свое жилище на сем кургане” [9, с. 260]. Меловые возвышенности на Волжском Правобережье в окрестностях Сызрани – не редкость, они здесь имеют различные наименования: лбища, отмалы и т.д. Изредка подобного рода возвышенности из-за характерной формы называются местным населением “шоломами” – например, Шолом в окрестностях древнебулгарского города Балымер на Волге, получивший известность благодаря археологическим раскопкам располагавшегося на нём в булгарское время языческого святилища [19, с. 424–450]. Второе название

возвышенности, приведённое Палласом, правильно охарактеризовано им как отантропонимическое. При этом в элементе “прасна”, полагаем, возможно видеть мордовское языковое влияние: так, в мокша-мордовских и эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья для обозначения вершин возвышенностей бытуют термины “пандо пре” и “панда пряс”, где “панда/пандо” – “гора” и “пря/пре” – “голова”.

Molodezkoi Kurgan/Молодецкий курган – “отчасти проименован по тому, что молодые люди из деревни собираются на оной по праздникам для веселия, а отчасти по тому, что много найдется могил ходивших на судах по Волге и там умерших людей” [9, с. 292]. Данный пример показательен тем, что в нём Паллас приводит альтернативные версии происхождения географического названия, каждая из которых могла быть актуальна на определённом историческом этапе бытования топонима. Для первого случая – характеристики мест молодёжных гуляний – много топонимических параллелей имеется по течению Днепра, в которых Б.А. Рыбаковым [20] усматриваются также языческие мотивы. Второй мотив отражён рядом путешественников по Волге для различных возвышенностей, которыми также приводились описания погребения умерших от болезней спутников на волжском побережье.

Moloschnaja Retschka (Milchbach)/Молошная речка/река Чёрная (Исаклинский район, Самарская область) – “прежде жившие здесь Башкирцы и ныне там живущие Татары именуют Айрян, то есть кислое молоко, Чувашане же называют Уйранли, то есть молошная вода <...> серной ключ, текущий по деревянному жолобу, который еще остался от прежнего сернаго завода, и вышепоманутой и чистой так называемой Молошной речке сообщает серныя частицы, которая садятся на дне на подобие белой густой каши” [9, с. 159, 163]. Этимология для данного гидронима из тюркских языков и объяснение с опорой на ассоциативные связи, предложенные Палласом, не вызывают сомнений.

Perewoloka/Переволока – “деревня Переволока стоит на высоком утесистом каменном берегу Волги, и при том в таком месте, где от оной реки до Усы считается меньше версты, и чрез сие разстояние прежде перетаскивали лодки, для сокращения пути: по чему оное место и проименовано” [9, с. 244]. Топоним, известный, по меньшей мере, со времени основания Самары [21] в форме “Переволоки”, абсолютно точно этимологизирован Палласом.

Sewrjukowa, Sewrjukaewa/Севрюкова/село Севрюкаево (Старопольский район, Самарская область) — “по Татарскому и Чувашскому обыкновению проименована по первому ея селянину” [9, с. 279]. Как верно отметил Паллас, село получило название по имени своего основателя — чуваша Севрекея, отставного солдата. Обычай называть сёла по именам первопоселенцев распространён также у русских и мордвы, однако у тюркских народов, действительно, данный мотив номинации встречается чаще.

Sernoj gorodok/Серной городок — “Для защищения сернаго завода от находившихся в соседстве Башкирцов и Киргизцов сделан был шанец, которого остатки еще и ныне видны, и называются Серной городок” [9, с. 172]. Серный городок, к которому серной завод переведен от реки Сока, перемещен позже на крутой берег Волги “при походе той горы, в которой добывают славную самородную горючую серу” [9, с. 220]. Самородная кристаллическая сера на Самарской Луке была открыта И.Т. Посошковым в 1699 г., а её производство налажено уже с 1701 г. Рабочие серного завода размещались в поселении на берегу Волги, у подножия Серной горы, которое и было названо Серным городком. Во времена экспедиции Палласа, который подробно осмотрел это место, городок переживал период упадка, поскольку решение о прекращении добычи серы здесь было принято в 1765 г.

Sokoly-Gory, Sokoloja Gora (Falkenberge)/Соколя гора — “гору называют Соколя гора, по тому что иногда соколы вьют на ней гнезда” [9, с. 267]. Данное замечание представляет ценность ввиду существования альтернативной точки зрения на происхождение подобных топонимов как русской кальки с тюркоязычных названий [17].

Sosnowoi Solonez/Сосновой Солонец — “остановился я в деревне Сосновой Солонец проименованной по начинающемуся в низу ея большому ручью липкою серою глиною наполненному <...> сие место почитают солончаком, по которому и деревня проименована” [9, с. 243]. Ценное замечание Палласа о первичности гидронима, которое подтверждается архивными источниками. Так, деревня Сосновый Солонец впервые упоминается в 1661 г., тогда как первые сведения о “реке Солонице” относятся к “Писцовой переписной и межевой книге 1622–1624 годов”.

Teidakofka/Тейдаковка — “Чувашанами населенная деревня стоит при речке Тейдаковке, по которой она и проименована” [9, с. 275]. Сведения Палласа о первичности гидронима по отношению к ойкониму очень важны. Так,

в чувашском селе Тайдаково Шигонского района Самарской области бытует версия о происхождении названия села от имени одного из первопоселенцев — Тайдали. При этом собственно чувашское название села — Тайтак не подтверждает отантропонимную версию. Протекающая через село речка носит название “Ручей Тайдаков”. Некоторые исследователи полагают, что речка поименована по селу [17]. В данном случае однозначно ответить на вопрос о первичности гидронима или ойконима сложно, однако сведения Палласа являются серьезным аргументом в пользу первичности гидронима.

2.2. Фитонимы

“Путешествие...” является важным источником для анализа русскоязычных фитонимов, использовавшихся в XVIII веке, а также идентификации растений, впервые отмеченных в научной литературе для исследуемой территории. Примечателен и тот факт, что вторая половина XVIII века — это время перехода на бинарную номенклатуру Линнея, и Паллас, будучи адептом его метода, употреблял линнеевские названия.

В качестве самостоятельного предмета для изучения особый интерес представляют русскоязычные наименования растений, употребляемые во второй половине XVIII века. Например, рангом рода, без видового эпитета, Паллас обозначил названия следующих растений (в скобках приводятся русскоязычные названия по изданию [22]): *Agrimonia* (репник, червечник), *Arenaria* (песчанка), *Astragalus* (астрагал), *Campanula* (колокольчики), *Centaurea* (кентаврия), *Cypripedium* (кокушкины сапожки), *Lathyrus* (лафир), *Melilotus* (донник), *Phlomis* (медвежье ухо), *Vincetoxicum* (винцетоксик). Без латинского названия упомянуты “Девясил”, “Дикия яблони”, “ситник”, “тополь”, “тростник” и “шиповник”. Для ряда видов Паллас приводит пояснение к названию, а также обращает внимание и на локальные фитонимы, характерные для Самарского края. Ниже приводим пояснение некоторых названий растений, отмеченных Палласом.

Odnomesetschnik, нем. *Küchenschelle*, лат. *Anemone* / Одномесячник, Ветреница/Ветреница. Для исследуемой территории Паллас отмечает четыре вида растений из рода ветреница (*Anemone*), которые приводит под названием “одномесячник”. Вероятно, это сборное название для ряда растений из семейства лютиковых, для которых характерен очень короткий вегетационный период, приходящийся на наиболее благоприятное время года. Сам Паллас, упоминая *Anemone patens* (совр.

Pulsatilla patens) под названием “одномесячник”, поясняет, что “оный цвет бывает виден только в апреле месяце”. Название “одномесячник” зафиксировано Н.М. Амбодик-Максимовичем [23]. Согласно В.И. Далю [24, с. 675], “одномесячником” называли ветреницу (*Anemone sylvestris*), прострел (*Pulsatilla patens*) и печёночницу (*Hepatica triloba*). В названиях видов Паллас отражает особенности их произрастания (*Anemone altaica* – лесной одномесячник, *Anemone ranunculoides* – полевой одномесячник), внешнего облика (*Anemone sylvestris* – овечье рунишко “по мягкому, белому и может быть на фабриках в употребление годному ея пуху” – здесь имеется в виду перистое опушение плодиков растения, способствующее его расселению ветром – прим. авт.). В настоящее время общепринятое родовое название растений “ветреница” является прямым переводом латинского названия, данного К. Линнеем в 1735 г. Существует несколько вариантов связи названия с ветром: по движению цветков при малейшем дуновении ветра; по быстрому опадению околоцветника на ветру; по обитанию на открытых ветру местах; по цветению весной, во время сильного ветра [25].

Tschiliga, Tschelesnik, нем. *Erbesenbaum*, лат. *Cara-gana frutex*/гороховое дерево, чилига, челезник/карагана кустарниковая. В Поволжье и на Урале также употребляются названия “железник”, “чилизник”, “чилижник”, “чамыжник” [26]. Чилижник, вероятно, нужно рассматривать как производное от слова “чилига” (так же как и чимыжник от чимыга). В.И. Даль сопоставляет его с “чапыжник” в значении “частый кустарник”, “непроходимая чаща” [27].

Skerda, лат. *Crepis sibirica*/Шнярда, скерда/Скерда сибирская. Скерда – название, употреблявшееся в Симбирской губернии [28]. У В.И. Даля [24, с. 200] – “шкерда”. Название рода дано К. Линнеем в 1753 г. и происходит от греческого *krepis* – сапог, ступня и отражает форму листовой пластинки растения [25].

Beljak, нем. *Strauchklee*, лат. *Cytisus ruthenicus*/Беляк, ракитник/Ракитник русский. Вероятно, “беляком” растение называлось благодаря сероватому опушению цветущих побегов и листьев. Согласно Н.И. Анненкову [26]; [28], на Волге и на Урале также употреблялись названия “ракитник”, “железняк”, “чилига”. Латинское наименование рода *Cytisus* происходит от греческого *Kytisos* – по названию клевера, встречающегося на острове Кифнос.

Perrkatipole, Katschim, Pokatin, Katipole, Katun, Pokatur, лат. *Gypsophila paniculata*/Перекатиполье, Качим (около Ставрополя), Покатин (при Самаре),

Катиполье (при Кинеле), Катун или Покатун (при Яике)/Качим метельчатый. Названия, зафиксированные Палласом для Самарского Поволжья, употреблялись гораздо шире – катун, покатун в Оренбуржье, перекаати-полье, кати-полье, качим – в Ставрополье, перекаати-полье – в Малороссии [26]; [28]. Сборное название ряда степных и пустынных растений. У В.И. Даля [24] находим пояснение: “растет большим клубом, в степях, и срываясь с корня, катается по ветру”. Такое же толкование дает и Паллас: “когда она свежа, то некоторые называют ее шатром: но как скоро она под осень засохнет, то разпростертыми своими ветвями представляет почти шару подобный куст, который будучи ветром сломлен катится по степи” [22, с. 282].

Smolka, нем. *Johanniskraut*, лат. *Hypericum perforatum*/Зверобой /Зверобой продырявленный. Фитоним зверобой распространен на всей европейской части России. Название растения, возможно, обусловлено его внешним видом. У зверобоя пронзеннолистного листья покрыты мелкими прозрачными вместилищами с эфирным маслом, которые выглядят как отверстия (укр. *дырбой*, бел. *дзирбой*, пол. *dziurawiec*) [29]. Название “смолка” Паллас поясняет: “Сказывают, что в малой России собирают еще около третьего роста смолки, которого при Кинеле не находится, но по речам здешних жителей, кажется, оно ни что иное есть, как зверобой” [22, с. 308].

Rumäniza, лат. *Onosma tinctoria*/Румяница/Оносма красильная. Румяница, или румяная трава – сборное название нескольких видов растений из семейства бурачниковые [23]; [24]; [26]. Паллас приводит пояснение названия: “Известнее всех румяница, у которой корень имеет снаружи изрядной красной цвет. Тамошние девки собирают оной коренья, мажут маслом, и употребляют вместо румян: почему у них сия трава румяницею, а у татар кршагъ называется” [22, с. 232].

Kokuschkino oder Dikoe Minlo, нем. *Kukuk's Seife*, лат. *Silene chalconica*/боярская спесь, кокушкино или дикое мыло/Зорька обыкновенная – “у здешних крестьян называется кокушкино, или дикое мыло, потому что цветные головки, да и вся трава делает воду мыльною, и может употребляться для мытья рук и белья” [22, с. 294]. Сходные названия – девичье мыло, дикое мыло, мыльнянка, мыльница – можно встретить и в других регионах [26]. Название же “боярская спесь” зафиксировано Н.М. Амбодик-Максимовичем [23], “барская спесь” или “баронская спесь” – Н.И. Анненковым [26]; [28] и объясняется, вероятно, ярко-красными цветами растения. У И.И. Лепехина,

путешествовавшего с Палласом по Поволжью в один год, находим: “Березовые перелески питали много отменного растения, Барскою спесью прозываемою, которая и в то время гордилася еще алыми своими шапками” [9, с. 122].

На наш взгляд, вклад Палласа и остальных участников Академических экспедиций недостаточно освещен при анализе региональных фитонимов, хотя точные и обстоятельные данные об использовании растений местным населением следовало бы признать началом этноботаники в России. Слова выдающегося ботаника Карла Линнея: *Nomina si nescis, perit et cognitio rerum* (“Если не знаешь имен, пропадает и познание вещей”), записанные им в книге “Философия ботаники”, не просто подчеркивают значение этимологии названий растений, но и актуализируют их лингвистическое изучение. В англоязычной научной литературе существует термин *plant blindness* (“слепота к растениям”), который означает неспособность увидеть или заметить растения в своем окружении. По мнению исследователей [29], именно это явление лежит в основе недостаточной изученности названий растений. Фитонимы – важный лексический пласт, который, однако, плохо освещен в научной литературе, а наименее исследованной областью является описание названий растений в современном русском языке [30]. При этом, как показывает полевой опыт Палласа и его соратников (ср. [31]), сотрудничество ботаников и лингвистов может послужить этимологическому обоснованию номинации и упорядочиванию названий растений [32]; [33]; [34].

2.3. Этнографическая лексика

Поволжский регион исторически является многонациональным по составу населения. Во время поездок по Заволжью между Симбирском и Самарой интерес Палласа привлекли жители чувашских сел. Лексикографический и этнографический материал, собранный им при посещении чувашских поселений и частично опубликованный позже в “Сравнительном словаре всех языков”, представляет собой наиболее полный источник по чувашской лексике второй половины XVIII века [10, с. 14].

Описание в оригинальном издании [8] начинается на стр. 86 с пометки на полях “Известия о чувашах” (*Nachrichten von den Tschuwaschen*) и включает указание на местообитание (села вдоль рек Черемшан и Сок), вероисповедание (преимущественно христиане, но встречаются и язычники), далее следует “этнографический портрет”

чувашского населения, сопровождаемый иллюстрацией и подробным изложением культовых обрядов. В завершение фрагмента на стр. 95 приводится информация о диалектной принадлежности говора тех чувашей, с кем контактировал Паллас: его информанты различали жителей правого (холмистого) берега Волги, именуя их *Werejal*, себя же называли *Chirdijal* (ср. современное деление диалектов чувашского языка на вирьял (верховой) и степной, распространенный на севере Самарской области хирти, последний как разновидность низового варианта анатри). Таким образом, контактные лица у Палласа являются носителями низового диалекта чувашского языка. В переводной версии [9] этнографическая информация о чувашах приведена на страницах 135–145.

а) Национальная одежда:

Sarr/cap/capъ – “украшают себя большими пряжками и нагрудниками, да и висящими от пояса на стороне пестро вышитыми лоскутьями с бахромой, что у них *cap* называется”. Согласно [35], “*capъ* – старинное женское украшение в виде расшитого и унизанного бисером четырехугольника или треугольника, подвешиваемого сзади к поясу”. По мнению ряда исследователей, *capъ* как знаковый атрибут традиционного национального костюма использовался вплоть до 1960-х годов.

Chuschpu/хушпу/хушпу – “женская кичка, без которой оне и дома никогда не кажутся <...> унизана старинными серебряными копейками, или оловянными блесками и бисером”. В [35] хушпу описывается как “традиционный женский головной убор, украшенный монетами и бисером”.

Ama/ама/ама – “затыльник с унизанным мелкими монетами, или блесками ремнем, который продет под пояс”. В краткой статье в [35] ама – это “женское нагрудное украшение из монет”.

Surban/Сурбан/сурпан, сурбан – “сошедшиеся концы той лопасти, которую они, для прикрытия шеи, подкладывают от подбородка в верх под кичку”. В современной интерпретации, которая закреплена также и в словарной статье в [35], “сурбан – женская головная повязка в форме узкого полотенца с вышитыми концами”.

Как видно из краткого списка элементов национальной одежды у чувашей, многие детали еще присутствуют в костюме, связанном со свадебным обрядом. И.Г. Петров приводит следующие факты по архивным материалам, датированным второй половиной XIX – первой половиной XX в.: “Одежда на свадьбе выполняла также важную знаковую функцию, символизирующую смену социального статуса <...> женщины со стороны

жениха заплетали волосы невесты в две косы (вместо одной). Затем, сорвав покрывало, снимали с нее девичью шапочку (тухья) и обряжали в женский головной убор: сурпан/сорпан или хушпу/хошпу”. Не оставляли без внимания и родителей брачующихся: “Отцу невесты, как правило, дарили отрез холста (пир) или готовую рубашу (кёпе), а матери – домотканый головной убор в виде полотенца (сурпан) или купленный на базаре хлопчатобумажный или шелковый платок” [36, с. 137–139]. По наблюдениям Г.Н. Оркова, в отдельных регионах России чуваша долгое время сохраняли композицию и состав традиционного свадебного наряда: головные уборы хушпу, сурпан, пус тутри, поясную подвеску сара, шейно-нагрудные украшения. [37]. Отметим также, что Паллас не только одним из первых зафиксировал и описал основные элементы национального костюма, но и передал в Кунсткамеру собранную им коллекцию предметов одежды народов Поволжья [16, с. 593].

б) Верования и обычаи:

Ärnekon/аернекон/эрне кун – “некрещенные чувашане празднуют <...> каждую пятницу в неделе, которую называют они *аернекон*, или недельный день”. И.И. Лепехин, отмечает, что чуваша особо почитали пятницу и обряды проводили в этот день недели [38, с. 169–180]. Относительно происхождения данной традиции В.Г. Егоров высказал предположение, что она уходит корнями во времена Казанского ханства, и чуваша, скорее всего, переняли ее от народов, исповедовавших ислам [39, с. 17–18].

Tschuguichs/Чугуихс/ чўк уйăхĕ – “в Сентябре месяце, которой Чувашане Чугуихс называют <...> приносят обыкновенно общую большую жертву в знак благодарности”. По мнению В.Г. Родионова, «чўк уйăхĕ “месяц жертвоприношения в честь нового урожая” проводился не “почти в сентябре месяце”, а, как утверждает И.И. Лепехин, в ноябре, когда наступал настоящий холодный сезон. До этого сезона (на убывающей луне), по представлению чувашей, открывалось вертикальное пространство (тёнче хуппи “врата миров”) для общения с умершими предками в пограничном пространстве (на кладбище, у речки вблизи погоста)» [40, с. 110]. Таким образом, речь должна идти скорее о ноябре.

Semik/семик/Їимĕк – “трижды отправляют они погребение своего сродника, и к тому ныне назначают среду на страстной неделе, семик, то есть четверток перед пятидесятницею”. Ср. замечание В.Г. Родионова: “Второй обрядовый комплекс в результате христианизации быта

неофитов был привязан к троице (Їимĕк). Его, как и калăм, проводили раньше вышеназванных православных обрядов. Данный факт указывает на их былые даты проведения: весеннее равноденствие и летнее солнцестояние” [40, с. 111]. В современном обрядовом календаре чувашей данный праздник приходится на четверг перед православной Троицей. Он связан с поминовением усопших, в этот день посещают могилы родственников, устраивают совместную трапезу, окна домов украшают зелеными ветками; “до сих пор он остается одним из самых больших торжеств, на которые собирается большое количество родственников” [41, с. 238–239].

Jerich (Irich)/Ирих (Ерих)/йĕрĕх – “каждая семья <...> отправляет обыкновенное моление пред своим *Ирихом*, или Ерихом, что они за свято почитают”. Этим словом чуваша обозначали духа-покровителя семьи или рода в целом, место обитания самого божества, а также некий артефакт, посвященный этому духу, и обряд жертвоприношения в честь него. Часто данное божество изображают в виде тряпичной куклы, которую хранят на самом почетном месте в доме. Как пишет А.К. Салмин, “вера в йĕрĕха жива и нынче, особенно среди чувашей с исконной религией <...> Сохраняется и вера в лечебные возможности данного божества. Не имеющие йĕрĕх чуваша, в том числе и крещенные, стараются получить доступ к йĕрĕхам своих родственников” [42, с. 63]. В.Г. Родионов сообщает: «Если подобные культовые атрибуты сохранялись путем передачи по женской линии до седьмого колена, то они становились тўркĕлли “название духа”» [43, с. 139].

Keremet/керемет/киремет – “вся деревня приносит торжественную большую жертву на общем <...> жертвенном месте, которое они *керемет* называют”. Прежде всего, киреметом обозначалось место общественного жертвоприношения, оно известно не только у чувашей, но и марийцев. Так, по свидетельству Н.В. Морохина, горные мари рассказывают о киремете следующее: “А если стоит среди поля маленький ельничек и липы посреди него, то это керемет. Посреди керемета стоит старая береза. Она главной была. Там заповеди давали, молились” [44].

Keremet-asch, *Keremet-amshe*, *Keremet-uewli*/керемет-аш (отца), керемет-амже (мать), керемет-уевли (сына)/Киремет ашшĕ, Киремет амăшĕ, Киремет ывăлĕ – “они столь многим божкам приписывают одну богиню и одного сына, и сих трижды призывают”. Видимо, тройственное обозначение киремета олицетворяет божественное семейство, состоящее из отца (верховного или

главного божества), его супруги и сына. По мнению А.К. Салмина, “киремет – содержательное и значимое божество в религиозно-обрядовой жизни чувашского народа” [42]. Примечательное наблюдение сделал в конце XIX века Н.А. Александров: “Не так давно чуваша приносили жертвы своим Кереметям, и только в том случае, когда не было от этих жертв успеха, шли в церковь и ставили свечку Чудотворцу Николаю” [45, с. 14–15].

Salma/салма/салма – “есть ли кто должен клестися, того приводят в Керемет, и там принужден, по многократном заклинании, есть <...> кушание, состоящее в голушках с коровьим маслом в воде вареных, что у них *салма* называется”. Лапша (“салма”) – одно из наиболее распространенных блюд у представителей этносов Средней Волги и типичная ритуальная пища при произнесении клятвы в киремете и совершении обрядов. И.П. Асанова по этому поводу сообщает следующее: “Единая основа пищи народов Поволжья, издревле занимавшихся земледелием, способствовала выработке общих черт даже в обрядовых кушаньях. Показательно в этом отношении древнее мордовское кушанье – салма <...> оно бытовало у мордвы в составе языческих кушаний как обрядовое” [46].

Masar/мазар/масар – “общее кладбище, которое выбирают они в отдалении как от деревни, так от керемета и от всех больших дорог”. Сейчас – общепринятое обозначение погребального места у чувашей.

Aslyr, Ksnir, Pülchs, Sürodon, Sir, Sjölsüren-Irsene, Chirlsir, Kebe/азлыр, кснир, пюлхс, сюродон, сир, сиюлсюрэн-ирзене, хирлзирь, кебе/Аслă ыра, Кёсён ыра, Пулэхсё, Суратан, Сёр, сул сурен ырасем, Хёрлэ Сыр, Кепе – “мне рассказали следующие имена божков: *Керемет* по боге (пюр), почитается первым; *азлыр, кснир, пюлхс, сюродон, сир, сиюлсюрэн-ирзене, хирлзирь, кебе*, кроме которых есть еще много других”. Весьма противоречивый список, содержащий, по всей видимости, случайный перечень языческих божеств, святых и священных мест. Так, В.П. Иванов отмечает в своей статье: “К.С. Милькович, вслед за ним и В.А. Сбоев указывают, что Сюльди-тора управлял людьми через помощника – бога Кебе, ведавшего судьбами человеческого рода, и его служителя: Пюলেখся, назначавшего людям судьбу, счастливые и несчастливые жребии” [47, с. 121]. А.К. Салмин подтверждает, что Кебе/Кепе от имени Турă определяет людям судьбу, Пулэх является вестником божества. Аслă ыра входит в число высших божеств и трактуется как

“старший добрый киремет”, Хёрлэ Сыр – божество плодородия земли, Сёр олицетворяет землю вообще, символизирует мать-прародительницу живого и т.д. [48].

3. Заключение

В XVIII веке кардинально меняется вся структура лексикографической деятельности в России, “происходит процесс радикальных перемен в плане размежевания и специализации лексикографических направлений. В каждом из этих направлений идет работа по уточнению своего объекта и способов его описания” [49, с. 498]. Одним из недостатков справочных изданий и словарей той эпохи является их переводной характер, слабая связь с российской действительностью. Исправить положение помогает полевая работа, которая естественным образом проводится во время “физических экспедиций” Академии наук. Р.М. Цейтлин называет Палласа среди ученых, которые, отправляясь “в экспедиции с ботаническими, геологическими и другими научными целями, получали задания записывать сведения по языку и быту народов, с которыми они сталкивались” [50, с. 21–22].

Исследовательские принципы Палласа сформулированы им вполне в духе современных представлений о полевой работе и отличают его подход от исследований современников. Так, по его примеру и с опорой на собранный им материал описание этнических групп, населявших Российскую империю, опубликовал в 70-е годы XVIII века участник “физических экспедиций” Иоанн Готлиб Георги (1729–1802). Как точно подметил А.В. Головнев, “вместе с Палласом он отправился в восточное путешествие натуралистом, а вернулся народоведом” [51, с. 16]. Георги также оставил заметки об обычаях и верованиях чувашей, которые, однако, уступают аналогичным записям Палласа по полноте и красочности изображения. Только к концу века выполненный Георги обзор “житейских обрядов, вер, обыновений, жилищ, одежд” народов России будет дополнен текстом и обретет контуры полноценного справочного издания [52]. Этнографическая заслуга Палласа не вызывает сомнений: его обширное “Путешествие...” до сих пор остается хранилищем ценнейшей информации по истории материальной культуры, религии и фольклору народов России.

В фундаментальном академическом труде Палласа содержится большой фактический материал по многим научным отраслям, представляющий несомненный научный интерес и в настоящее

время. Палласа можно назвать не только одним из первых топонимистов, биологов или этнографов, внесших значительный вклад в развитие российской академической науки, но и ярчайшим для своего времени энциклопедистом, с феноменальной точностью отразившим в своих путевых заметках природные, историко-культурные, диалектологические и этнографические особенности различных местностей Российской империи второй половины XVIII века. Зафиксированные им во время академических экспедиций наименования географических объектов являются основой, которая позволяет отследить развитие топонимической системы регионов России (ср. [53]; [54]). Этимологический анализ, как и факты, собранные в процессе полевой работы и приведенные Палласом-академиком, заставляют критически взглянуть на некоторые современные трактовки ономастической, ботанической и этнографической лексики, они представляют уникальные сведения для историков, этнографов, краеведов, биологов и способствуют более глубокому изучению истории российской науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Agranat T.B., Dodykhudoeva L.R.* Strategies for Knowledge Elicitation. The Experience of the Russian School of Field Linguistics. Switzerland, 2021. 247 p.
2. *Лютикова Е.А., Федорова О.В.* Научная школа А.Е. Кибрика: от описания и документации языков к типологии и теории языка // *Рема. Thema*. 2021. № 2. С. 9–22.
3. Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Сост. А.Н. Анфертьева и Л.Б. Вольфцун. Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 898 с.
4. *Орлов А.С.* Всесоюзная Академия наук за 15 лет // *Вестник Академии наук СССР*. 1932. № 11. С. 1–30.
5. *Киссер Т.С.* Об организации “физических” экспедиций 1768–1774 гг. // *Кунсткамера*. 2019. № 3 (5). С. 164–170.
6. *Головнев А.В., Киссер Т.С.* Этнопортрет империи в трудах П.С. Палласа и И.Г. Георги // *Уральский исторический вестник*. 2015. № 3 (48). С. 59–69.
7. *Сенатор С.А., Бакиев А.Г., Сытин А.К., Горелов Р.А., Кузнецова Р.С., Сидякина Л.В.* “Странствующая академия” (материалы об исследованиях П.С. Палласа в Среднем Поволжье) / под общ. ред. С.А. Сенатора. Тольятти: Анна, 2020. 227 с.
8. *Pallas P.S.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Erster Theil. St. Petersburg: Kayserliche Academie der Wissenschaften, 1771. 565 S.
9. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая. СПб.: Императорская Академия наук, 1773. 786 с.
10. *Савельев А.В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа). Диссертация на присуждение ученой степени кандидат филологических наук. М.: Институт языкознания РАН, 2014. 445 с.
11. *Волошина О.А.* “Сравнительный словарь всех языков” Петра Симона Палласа // *Вестник ННГУ*. 2012. № 6-1. С. 354–361.
12. *Каминская Л.Н.* Об источниках албанской лексики в словаре С. Палласа // *Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2013. № 1. С. 112–122.
13. *Норманская Ю.В., Кошелюк Н.А.* Неопубликованный мансийский словарь П.С. Палласа – ранее неизвестный мансийский диалект? // *Урало-алтайские исследования*. 2020. № 1 (36). С. 92–100.
14. *Ипполитова А.Б.* Растения с названием Адамова глава в русских рукописных травниках // *Полетата на этнологията: между знанието и познанието*. 25 години асоциация “Онгъл” / Гл. ред. Р. Малчев. София, 2018. (Годишник на асоциация “Онгъл”. Т. 16. Год XII). С. 50–76.
15. *Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н.* П.С. Паллас и И.И. Лепехин – исследователи этнографии мордвы (к 250-летию “физических” экспедиций Академии наук) // *Социально-политические науки*. 2018. № 6. С. 114–117.
16. *Абайдулова А.Г., Салмин А.К.* Причеремшанский дневник экспедиции П.С. Палласа // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2018. № 3. С. 592–604.
17. *Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н.* Самарская топонимика. Самара: Изд-во Самарск. ун-та, 1996. 192 с.
18. *Порунов А.Н.* Основные закономерности стратиграфии Среднего Поволжья // *Наука. Общество. Государство*. 2014. № 4 (8). С. 19–28.
19. *Жиромский Б.Б.* Древнеродовое святилище Шолом // *МИА*. 1958. № 61. С. 424–450.
20. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
21. *Гурьянов Е.Ф.* Древние вехи Самары: очерки градостроительной истории. Куйбышев, 1979. 81 с.
22. *Паллас П.С.* Описание растений Российского государства с их изображениями по всевысочайшему повелению и на иждивении ея Императорского величества, изданное П.С. Палласом. С рукописного сочинения перевел Василий Зуев. Часть первая. В Санктпетербурге, печатано в Императорской типографии 1786 года. 204 с.

23. *Амбодик-Максимович Н.М.* Новый ботанический словарь на российском, латинском и немецком языках. СПб., 1808. 118 с.
24. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. Т. 1. А–З. 1880. Т. 3. П. 1882а. Т. 4. Р–V. 1882б.
25. *Каден Н.Н., Терентьева Н.Н.* Этимологический словарь латинских названий растений, встречающихся в окрестностях биостанции МГУ “Чашниково” / Под ред. В.И. Мирошенковой. М.: Изд-во МГУ, 1975. 203 с.
26. *Анненков Н.И.* Ботанический словарь. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878. 647 с.
27. *Пухлякова Е.* Общие русские и чешские названия растений // Sbornik praci filosofike faculty Brnenske university studia minora facultatis philisophicae universitatis Brunensis. 1971. S. 97–109.
28. *Анненков Н.И.* Простонародные названия русских растений. М.: Университетская типография, 1858. 159 с.
29. *Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
30. *Коваленко К.И., Колосова В.Б., Щёкин А.С.* Исторические словари как источники базы данных русских фитонимов PhytoLex (XI–XVII вв.) // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сб. науч. статей по материалам Международ. науч. конф., посвящ. 70-летию выхода первого тома академического “Словаря современного русского литературного языка” / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приёмышева, Е.В. Пурицкая; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. С. 253–262.
31. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб.: При Императорской Академии наук, 1771. 537 с.
32. *Кулева А.С.* О названиях растений в лингвистической перспективе: “Растения Средиземья”, словари и переводы // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 115–131. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.115-131
33. *Цвелёв Н.Н.* О русских названиях семейств покрытосеменных растений // Новости систематики высших растений. 2010. Т. 42. С. 24–29.
34. *Сытин А.К., Сенатор С.А.* Вклад П.С. Палласа в ботаническое изучение Среднего Поволжья // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. 2018. № 3 (23). С. 55–69.
35. *Андреев И.А., Горшков А.Е., Иванов А.И. и др.* Чувашско-русский словарь; под редакцией М.И. Скворцова. М.: “Русский язык”, 1985. 712 с.
36. *Петров И.Г.* Функции одежды в свадебной обрядности чувашей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11 (85). С. 136–141.
37. *Орков Г.Н.* О народном костюме чувашей Башкортостана (по материалам экспедиции 1994 г.) // Чувашское искусство. Вып. III. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 148–168.
38. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Академией Наук, по предложению ея президента. Т. 3. СПб., 1821. С. 169–180.
39. *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971.
40. *Родионов В.Г.* Реконструкция чувашского календаря и обрядового комплекса калъм // Вестник Чувашского университета. 2020. № 4. С. 108–125.
41. *Кондратьева Е.В.* Семейно-родовые праздники и обряды чувашей и удмуртов // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 5: Археология и этнография. С. 235–241.
42. *Салмин А.К.* Городище Булгар в контексте экспедиции П.С. Палласа // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 136–142.
43. *Родионов В.Г.* Эволюция пространства внутреннего жилища чувашей и их предков // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 136–145.
44. *Морохин Н.В.* Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев, 1997.
45. *Александров Н.А.* Черемисы и чувашаи (Лесная окраина). М.: Издание и собственность книжной торговли, специально для иногородних А.Я. Панафидина, 1899. 40 с.
46. *Асанова И.П.* Ритуальная и обрядовая пища мордвы (этнолингвистический анализ) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 117–122.
47. *Иванов В.П.* Пантеон богов в чувашской мифологии (к вопросу ранжирования иерархии) // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 2016. С. 119–140.
48. *Салмин А.К.* Система верований чувашей. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2004. 208 с.

49. Биржакова Е.Э., Малышева И.А., Кузнецова И.Е. Русская лексикография – XVIII век // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышева. М.: Азбуковник, 2013. С. 497–520.
50. Цейтлин Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии. (Словари русского языка). М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. 136 с.
51. Головнев А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.
52. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 1–3; 1799. Ч. 1–4.
53. Дамбуев И.А. Русская топонимия Восточной Сибири в “Путешествии по разным провинциям Российского государства” П.С. Палласа // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 208–212.
54. Кузнецова Р.С., Сенатор С.А. Опыт составления топонимической карты Среднего Поволжья по материалам экспедиции П.С. Палласа 1768–1769 гг. // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 2. С. 237–259.
- Expeditions 1768–1774]. *Kunstkamera* [Kunstkamera]. 2019, No. 3 (5), pp. 164–170. (In Russ.)
6. Golovnev, A.V., Kisser, T.S. *Etnoportret imperii v trudakh P.S. Pallasa i I.G. Georgi* [Ethno-Portrait of the Empire in the Works of P.S. Pallas and I.G. Georgi]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2015, No. 3 (48), pp. 59–69. (In Russ.)
7. Senator, S.A., Bakiyev, A.G., Sytin, A.K., Gorelov, R.A., Kuznetsova, R.S., Sidyakina, L.V. “*Stranstvuyushchaya akademiya*” (*materialy ob issledovaniyakh P.S. Pallasa v Srednem Povolzh'ye*) [“The Wandering Academy” (Materials about the Research of P.S. Pallas in the Middle Volga Region)]. Tolyatti, Anna Publ., 2020. 227 p. (In Russ.)
8. Pallas, P.S. *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Erster Theil.* [Journey through Different Provinces of the Russian Empire. Part one]. St. Petersburg, *Kayserliche Academie der Wissenschaften* [Imperial Academy of Sciences], 1771. 565 p. (In German)
9. Pallas, P.S. *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii. Chast pervaya.* [Journey through Different Provinces of the Russian Empire. Part One]. St. Petersburg, *Imperatorskaya Akademiya nauk* [Imperial Academy of Sciences], 1773. 786 p. (In Russ.)
10. Savelyev, A.V. *Otrazheniye dialektnykh osobennostey v staropismennykh pamyatnikakh chuvashskogo yazyka XVIII veka (na materiale Slovarya Pallas)* [Reflection of Dialect Features in Old-Written Monuments of the Chuvash Language of the 18th Century (Based on the Pallas Dictionary)]. Diss. Cand. Philol. Sci. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2014. 445 p. (In Russ.)
11. Voloshina, O.A. “*Sravnitelnyy slovar vsekh yazykov*” *Petra Simona Pallas* [“A Comparative Dictionary of All Languages” by Peter Simon Pallas]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University]. 2012, No. 6–1, pp. 354–361. (In Russ.)
12. Kaminskaya, L.N. *Ob istochnikakh albanskoy leksiki v slovare S. Pallas* [About the Sources of Albanian Vocabulary in the Dictionary of S. Pallas]. *Vestnik S.-Peterb. gos. un-ta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism]. 2013, No. 1, pp. 112–122. (In Russ.)
13. Normanskaya, Yu.V., Koshelyuk N.A. *Neopublikovannyi mansiyskiy slovar P.S. Pallas – raneye neizvestnyy mansiyskiy dialekt?* [Is the Unpublished Mansi Dictionary of P.S. Pallas a Previously Unknown Mansi Dialect?]. *Uralo-altaiskiy issledovaniya* [Ural-Altai Studies]. 2020, No. 1 (36), pp. 92–100. (In Russ.)
14. Ippolitova, A.B. *Rasteniya s nazvaniyem Adamova glava v russkikh rukopisnykh travnikakh* [Plants with the Name Adam’s Head in Russian Manuscript Herbals].

REFERENCES

1. Agranat, T.B., Dodykhudoeva, L.R. *Strategies for Knowledge Elicitation. The Experience of the Russian School of Field Linguistics.* Springer Nature Switzerland AG, 2021. 247 p.
2. Lyutikova, Ye.A., Fedorova, O.V. *Nauchnaya shkola A.Ye. Kibrika: ot opisaniya i dokumentatsii yazykov k tipologii i teorii yazyka* [Scientific School of A.E. Kibrik: from Description and Documentation of Languages to Typology and Theory of Language]. Rhema. 2021, No. 2, pp. 9–22. (In Russ.)
3. *Materialy k istorii Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN (1921–1937 i 1941–1945 gg.)* [Materials on the History of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (1921–1937 and 1941–1945)]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 898 p. (In Russ.)
4. Orlov, A.S. *Vsesoyuznaya Akademiya nauk za 15 let* [All-Union Academy of Sciences for 15 Years]. *Vestnik Akademii nauk SSSR* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 1932, No. 11, pp. 1–30. (In Russ.)
5. Kisser, T.S. *Ob organizatsii fizicheskikh ekspeditsiy 1768–1774* [On the Organization of Physical

- Poletata na étnologiyata: mezhdú znaniето i poznaniето. 25 godini asotsiatsiya "Ongl"* [The Fields of Ethnology: Between Knowing and Knowing. 25 years of "Ongle" Association]. Sofia, 2018, pp. 50–76. (In Russ.)
15. Mokshin, N.F., Mokshina, Ye.N. *P.S. Pallas i I.I. Lepekhin – issledovateli etnografii mordvy (k 250-letiyu "fizicheskikh" ekspeditsiy Akademii nauk)* [P.S. Pallas and I.I. Lepekhin as Researchers of Mordovian Ethnography (to the 250th Anniversary of the "Physical" Expeditions of the Academy of Sciences)]. *Sotsialno-politicheskiye nauki* [Socio-Political Sciences]. 2018, No. 6, pp. 114–117. (In Russ.)
  16. Abaydulova, A.G., Salmin, A.K. *Pricheremshanskiy dnevnik ekspeditsii P.S. Pallas* [Cheremshansky Diary of the Expedition of P.S. Pallas]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Series Humanities]. 2018, No. 3, pp. 592–604. (In Russ.)
  17. Barashkov, V.F., Dubman, E.L., Smirnov, Yu.N. *Samarskaya toponimika* [Samara Toponymy]. Samara, *Izdatelstvo Samarskogo universiteta* [Samara University Press], 1996. 192 p. (In Russ.)
  18. Porunov, A.N. *Osnovnyye zakonomernosti stratigrafii Srednego Povolzhya* [The Main Regularities of the Stratigraphy of the Middle Volga]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. [Science. Society. State]. 2014, No. 4 (8), pp. 19–28. (In Russ.)
  19. Zhiromsky, B.B. *Drevnerodovoye svyatilishche Sholom* [Ancient Tribal Sanctuary Sholom]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archeology of the USSR]. 1958, No. 61, pp. 424–450. (In Russ.)
  20. Rybakov, B.A. *Yazychestvo Drevney Rusi* [Paganism of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 783 p. (In Russ.)
  21. Guryanov, Ye.F. *Drevniye vekhi Samary: ocherki gradostroitelnoy istorii* [Ancient Milestones of Samara: Essays on Urban History]. Kuybyshev, 1979. 81 p. (In Russ.)
  22. Pallas, P.S. *Opisaniya rasteniy rossiyskogo gosudarstva s ikh izobrazheniyami, po poveleniyu yeya velichestva izdannoye P.S. Pallasom. Chast pervaya* [Descriptions of Plants of the Russian State with Their Images, Published by Command of Her Majesty by P.S. Pallas. Part One]. St. Petersburg, *Imperatorskaya tipografiya* [Imperial Printing House], 1786. 204 p. (In Russ.)
  23. Ambodik-Maksimovich, N.M. *Novyy botanicheskiy slovar na rossiyskom, latinskom i nemetskom yazykakh* [New Botanical Dictionary in Russian, Latin and German]. St. Petersburg, 1808. 118 p. (In Russ.)
  24. Dahl, V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. v chetyrekh chastyakh* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in Four Parts]. St. Petersburg, *Izdaniye knigoprodavitsa-tipografa M.O. Volfa* [Edition of the Bookseller-Typographer M.O. Wolf]. Part 1. A–3, 1880, Part 3. П, 1882a, Part 4. P–V, 1882b. (In Russ.)
  25. Kaden, N.N., Terentyeva, N.N. *Etimologicheskiy slovar latinskikh nazvaniy rasteniy, vstrechayushchikhsya v okrestnostyakh biostantsii "Chashnikovo"* [Etymological Dictionary of Latin Names of Plants found in the Vicinity of the Biostation "Chashnikovo"]. Moscow, Moscow State Univer. Press Publ., 1975. 203 p. (In Russ.)
  26. Annenkov, N.I. *Botanicheskiy slovar* [Botanical Dictionary]. St. Petersburg, *Imperatorskaya tipografiya* [Imperial Printing House], 1878. 647 p. (In Russ.)
  27. Pukhlyakova, Ye. *Obshchiye russkiye i cheshskiy nazvaniya rasteniy* [Common Russian and Czech Plant Names]. Sbornik praci filosofike faculty Brnenske university. *Studia minora facultatis philisophicae universitatis Brunensis*. Brno, 1971, pp. 97–109. (In Russ.)
  28. Annenkov N.I. *Prostonarodnyye nazvaniya russkikh rasteniy* [Common Names of Russian Plants]. Moscow, Univer. Press Publ., 1858. 159 p. (In Russ.)
  29. Kolosova, V.B. *Leksika i simvolika slavyanskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and Symbols of Slavic Folk Botany. Ethnolinguistic Aspect]. Moscow, Indrik Publ., 2009. 352 p. (In Russ.)
  30. Kovalenko, K.I., Kolosova, V.B., Shchokin, A.S. *Istoricheskiye slovari kak istochniki bazy dannykh russkikh fitonimov PhytoLex (XI–XVII vv.)* [Historical Dictionaries as Sources for the PhytoLex Database of Russian Phytonyms (The 11th–17th Centuries)]. *Rossiyskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Russian Academic Lexicography: Current State and Development Prospects]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 253–262. (In Russ.)
  31. Lepekhin, I.I. *Dnevnyye zapiski puteshestviya doktora i akademii nauk ayunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva v 1768 i 1769 godu* [Daily Notes of the Journey of the Doctor and the Academy of Sciences, Associate Ivan Lepekhin, to Different Provinces of the Russian State in 1768 and 1769]. St. Petersburg, *Imperatorskaya tipografiya* [Imperial Printing House], 1771. 537 p. (In Russ.)
  32. Kuleva, A.S. *O nazvaniyakh rasteniy v lingvisticheskoy perspektive: "Rasteniya Sredizemya", slovari i perevody* [On the Names of Plants in a Linguistic Perspective: "Plants of Middle-Earth", Dictionaries and Translations]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2020, No. 5, pp. 115–131. (In Russ.)
  33. Tselov, N.N. *O russkikh nazvaniyakh semeystv pokrytosemennykh rasteniy* [About Russian Names of Families of Angiosperms]. *Novosti sistematiki vysshikh rasteniy* [News of Taxonomy of Higher Plants]. 2010, Part 42, pp. 24–29. (In Russ.)

34. Sytin, A.K., Senator, S.A. *Vklad P.S. Pallasа v botanicheskoye izucheniye Srednego Povolzh'ya* [The Contribution of P.S. Pallas to the Botanical Study of the Middle Volga Region]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy Povolzhskiy region. Yestestvennyye nauki* [News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Natural Sciences]. 2018, No. 3 (23), pp. 55–69. (In Russ.)
35. Andreyev, I.A., Gorshkov, A.Ye., Ivanov, A.I. *Chuvashsko-russkiy slovar* [Chuvash-Russian Dictionary]. Moscow, 1985. 712 p. (In Russ.)
36. Petrov, I.G. *Funktsii odezhdy v svadebnoy obryadnosti chuvashey* [Functions of Clothing in the Chuvash Wedding Ritual]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Aspects of Theory and Practice]. Tambov, 2017, No. 11 (85), pp. 136–141. (In Russ.)
37. Orkov, G.N. *O narodnom kostyume chuvashей Bashkortostana (po materialam ekspeditsii 1994 g.)* [About the Folk Costume of the Chuvash People of Bashkortostan (Based on the Materials of the 1994 Expedition)]. *Chuvashskoye iskusstvo* [The Chuvash Art. Part III]. Cheboksary, 1997, pp. 148–168 (In Russ.)
38. Lepekhin, I.I. *Dnevnyye zapiski puteshestviya po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Daily Notes of Travel in Different Provinces of the Russian State]. *Polnoye sobraniye uchenykh puteshestviy po Rossii, izdavayemoye Akademiyey Nauk po porucheniyu eya prezidenta* [The Complete Collection of Scholars' Travels in Russia Published by the Academy of Sciences on Behalf of the President. Part 3]. St. Petersburg, 1821, pp. 169–180. (In Russ.)
39. Yegorov, V.G. *Sovremennyy chuvashskiy literaturnyy yazyk v sravnitelno-istoricheskom osveshchenii* [Modern Chuvash Literary Language in Comparative Historical Coverage]. Cheboksary, 1971. 204 p. (In Russ.)
40. Rodionov, V.G. *Rekonstruktsiya chuvashskogo kalendarya i obryadovogo kompleksа kalām* [Reconstruction of the Chuvash Calendar and Ritual Complex Kalem]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2020, No. 4, pp. 108–125. (In Russ.)
41. Kondratyeva, Ye.V. *Semeyno-rodovyye prazdniki i obryady chuvashей i udmurtov* [Family and Tribal Holidays and Rituals of the Chuvash and Udmurts]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University]. 2016, Volume 15, No. 5, pp. 235–241. (In Russ.)
42. Salmin, A.K. *Gorodishche Bulgar v kontekste ekspeditsii P.S. Pallasа* [The Settlement of Bulgar in the Context of the Expedition of P.S. Pallas]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2018, No. 2, pp. 136–142. (In Russ.)
43. Rodionov, V.G. *Evolutsiya prostranstva vnutrennego zhilishcha chuvashей i ikh predkov* [The Evolution of the Space of the inner Dwelling of the Chuvash and their Ancestors]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2019, No. 2, pp. 136–145. (In Russ.)
44. Morokhin, N.V. *Folklor v traditsionnoy regionalnoy ekologicheskoy kulture Nizhegorodskogo Povolzh'ya* [Folklore in the Traditional Regional Ecological Culture of the Nizhny Novgorod Volga Region]. Kiyev, 1997. 225 p. (In Russ.)
45. Aleksandrov, N.A. *Cheremisy i chuvashi (Lesnaya okraina)* [Cheremis and Chuvashes (Forest Outskirts)]. Moscow, Publication and property of the book trade, especially for non-residents of A.Ya. Panafidin, 1899. 40 p. (In Russ.)
46. Asanova, I.P. *Ritualnaya i obryadovaya pishcha mordvy (etnolingvisticheskiy analiz)* [Ritual and Ceremonial Food of the Mordovians (Ethnolinguistic Analysis)]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2007, No. 1, pp. 117–122. (In Russ.)
47. Ivanov, V.P. *Panteon bogov v chuvashskoy mifologii (k voprosu ranzhirovaniya iyerarkhii)* [Pantheon of Gods in Chuvash Mythology (on the Question of Hierarchy Ranking)]. *Mifologiya chuvashей: istoki, evolyutsiya i kulturnyye vzaimosvyazi* [Chuvash Mythology: Origins, Evolution and Cultural Relationships]. Cheboksary, 2016, pp. 119–140. (In Russ.)
48. Salmin, A.K. *Sistema verovaniy chuvashей* [Chuvash Belief System]. Cheboksary, 2004. 208 p. (In Russ.)
49. Birzhakova, Ye.E., Malysheva, I.A., Kuznetsova, I.Ye. *Russkaya leksikografiya – XVIII vek* [Russian Lexicography. The 18th Century]. *Slavyanskaya leksikografiya* [Slavic Lexicography]. Moscow, 2013, pp. 497–520. (In Russ.)
50. Tseytlin, R.M. *Kratkiy ocherk istorii russkoy leksikografii. (Slovari russkogo yazyka)* [Brief Essay on the History of Russian Lexicography. (Dictionaries of the Russian Language)]. Moscow, Ministry of Education Publ., 1958. 136 p. (In Russ.)
51. Golovnev, A.V. *Etnografiya v rossiyskoy akademicheskoy traditsii* [Ethnography in the Russian Academic Tradition]. *Etnografiya* [Ethnography]. 2018, No. 1, pp. 6–39. (In Russ.)
52. Georgi, I.G. *Opisaniye vsekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zhiteyskikh obryadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostey* [Description of All Peoples Living in the Russian State, as well as Their Everyday Rituals, Beliefs, Customs, Dwellings, Clothes and Other Attractions]. St. Petersburg, 1776–1799. (In Russ.)
53. Dambuyev, I.A. *Russkaya toponimiya Vostochnoy Sibiri v "Puteshestvii po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva" P.S. Pallasа* [Russian Toponymy of Eastern Siberia in P.S. Pallas' Journey to Different Provinces of the Russian State Siberian]. *Sibirskiy*

- filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2016, No. 1, pp. 208–212. (In Russ.)
54. Kuznetsova, R.S., Senator, S.A. *Opyt sostavleniya toponimicheskoy karty Srednego Povolzhya po materialam ekspeditsii P.S. Pallas 1768–1769 gg.* [The Experience of Compiling a Toponymic Map of the Middle Volga Region based on the Materials of the Expedition of P.S. Pallas in 1768–1769]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2021, Volume 18, No. 2, pp. 237–259. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 9 декабря 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 21 июля 2022 г.
Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.
Дата публикации: 31 октября 2022 г.*

*Received by Editor on December 9, 2021
Revised on July 21, 2022
Accepted on August 31, 2022
Date of publication: October 31, 2022*